

Леонид Кудрявцев

Эдгар По. Идеальный текст и тайная история

Леонид Викторович Кудрявцев

Эдгар По. Идеальный текст и тайная история

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3459485

*Леонид Кудрявцев «Эдгар По. Идеальный текст и тайная история»:
авторская редакция;*

Аннотация

«...И что это там за толпа впереди? Уж не адские ли создания, встречи с которыми я всю жизнь боялся? Выследили, значит? Ну, сейчас начнется...

А они уже бежали ко мне и оказавшийся первым, как я понимаю, самый расторопный и наглый, кричал:

– Мистер Эдгар По, мистер бессмертный затворник! Надеюсь, вы не откажетесь сообщить нашим читателям цель вашего полета?! Они сгорают от желания ее знать!»

Рассказ публикуется в авторской редакции

Содержание

1	4
2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Леонид Кудрявцев

Эдгар По

Идеальный текст и тайная история

1

Провидению было угодно, что постепенно моя известность переплавилась в деньги и теперь тягловой силой у меня работает всамделишная, причем весьма неглупая сиделка. Я передвигаюсь с ее помощью в кресле на колесиках. Оно, как мне представляется, является упрощенной моделью похоронных дрог, от свидания с которыми мне удастся ускользнуть почти две сотни лет. На это, несомненно, есть веская причина, но о ней – несколько позже.

Со стороны я теперь несколько смахиваю на египетскую мумию. Меня это печалит, но уверяю, и в моем возрасте есть некоторые радости.

Кстати, везут меня в данный момент по коридору космопорта, мимо первопроходцев в фиолетовых одеждах, сильно смахивающих на средневековые монашеские плащи. Возможно, там, на других планетах, они им помогают выживать.

Держаться первопроходцы предпочитают кучками. Стоят, разговаривают, курят сигареты, из которых идет красноватый дым. А вот монахи и торговцы, как правило, ходят поодиночке, и это вполне объяснимо. На Марсе или Венере, по дороге от одного купола к другому, в случае неприятностей, приходится рассчитывать лишь на себя. Это не способствует развитию клановости. Еще нам время от времени попадают военные, но очень редко. В данный момент никаких стычек с аборигенами – инопланетянами не бывает. Так, по крайней мере, утверждает пресса.

Да, о сиделке... Как раз сейчас она, продолжая толкать мое кресло, спросила:

– Страх смерти... Скажи, старец, одолеваемый мерзкими мыслями, может именно он оказал влияние на продолжительность твоей жизни?

Я улыбаюсь, записывая это.

Ах, женщины... У них безошибочное чутье, и до тех пор пока в моем теле есть хотя бы крохотный, едва тлеющий уголек, оставшийся от некогда бушевавшего огня, присущего настоящим мужчинам, они будут меня поддразнивать. Вовсе не желая его вновь разжечь – не стану обольщаться. Им это лишь кажется забавным, такова их природа.

Интересно, что эта вертихвостка скажет, если я, улучив момент, когда она окажется поблизости, положу руку, здорово сейчас напоминающую обезьянью лапку, на ее весьма соблазнительное бедро? Ненадолго, конечно, и только ради

того, чтобы увидеть реакцию на сие действие. Хотя, хотя... кто знает?

Я улыбнулся еще раз, искренне потешаясь над собой, над своими невозможными мечтами.

И тотчас получил:

– Эй, я у тебя спросила! И нечего делать вид, будто задумался. Я вижу, ты веселишься, старый зануда. Над чем это, кстати?

Делать нечего, придется поддержать беседу. Это часть платы за услуги, за игру, которую мы ведем. Моя сиделка добросовестно делает вид, будто ее интересует не только моя тайна, но еще и я, сам. Мне же приходится притворяться, будто я не знаю, что она литераторша из заснеженной России, внучка очень известной там писательницы Лохвицкой. Настоящее имя у моей сиделки труднопроизносимое. Именно поэтому, явившись по объявлению, она назвалась Мэри Энн. Что ж, желание дамы – закон. Между прочим, я не поленился и прочитал пару ее текстов. Интересно, талантливо, но не идеал. К ее счастью.

– Над чем я улыбался?

– Ну да. Выкладывай немедленно.

Ведомую нежной, но сильной рукой коляску так тряхнуло, что я едва не лишился покрывавшего мои колени пледа.

Во времена моей молодости подобная агрессия у женщин считалась предосудительной. Хотя... надо признать, даже и тогда талантливым писательницам прощалось многое, а кра-

сивым — почти все.

Я попытался взглянуть на повелительницу моего брэнного тела, которая так бесцеремонно напомнила о своей власти, и конечно, не смог. Как не вертел головой, девица все время оставалась вне поля зрения. Жаль, что я не приказал снабдить свое кресло зеркальцем бокового вида, как у современных самодвижущихся экипажей. Попытаться встать... Нет, не хотелось мне так расточительно тратить оставшиеся в моем распоряжении силы. И кстати, можно добиться своего более простым методом.

— Мне вдруг пришло в голову, — возвестил я. — Что идеальный текст был некогда-таки написан.

— Вот как?

Коляска окончательно остановилась, резко развернулась и я, наконец, ее, мою сиделку, увидел. Брюнетка, красивая, с идеальной кожей, пышным бюстом и длинными ногами, насмешливо улыбающаяся. Последнее — именно то, на что я хотел взглянуть. Будь ее улыбка менее насмешливой, я бы почувствовал разочарование.

— О! — только и смог сказать я.

— Выкладывай живо, что имел в виду?

О чем, собственно, речь? Мне всего лишь хотелось увидеть...

— Ну... — пробормотал я.

— Внимательно слушаю.

Надо как-то выпутываться.

– Мне подумалось о египетских иероглифах и шумерской клинописи, – сказал я.

– Чепуха. Как эти древние могли создать идеальный текст?

– А как его может создать подобная мне развалина?

Тонкий, изящный палец закачался у меня перед носом.

– Нет, нет, тут большая разница. И ты – это знаешь. Кто они, а кто ты?

– Кто я?

Теперь ее улыбка стала лукавой. И поверьте, за нее можно простить даже преступление.

– Сам прекрасно знаешь. Единственный человек на земле, получивший возможность шлифовать умение работать с текстом на протяжении более чем ста пятидесяти лет. Учítывая сделанное тобой в первой четверти жизни, это очень много.

– А учитывая, что я в дальнейшем не опубликовал ни одного произведения...

– Но при этом продолжал работать, как одержимый, и делаешь это даже сейчас...

Знала бы она, над чем я сейчас работаю...

– И все-таки мысль любопытная, – сказал я – Если предположить, что она верна, то появляется простое объяснение всем чудесам древности. Гигантским статуям, вселенским потопам, затоплению Атлантиды и многому, многому другому. А так же оставшимся с тех времен преданиям о тайном

знании, утерянном и более не обретенном.

– Идеальный текст?

– Да. Он может быть записан не буквами, а иероглифами. И иероглифы эти, как ты правильно понимаешь, теперь прочесть невозможно.

– Хм... А это хорошо или плохо?

Теперь она озадачена. Цель достигнута.

– Да никак... Как гипотеза вполне подходит, но доказать невозможно. Идти в этом направлении уже нет смысла.

– Почему? Не проще ли заняться изучением мертвых языков, чем шарить впотьмах, наудачу?

– Уже нет, не проще.

– Почему?

Вот заладила...

– Потому, – внушительно сказал я. – У меня есть предчувствие. Я ищу уже где-то близко, чувствую это буквально кожей. Еще год, два и – дело в шляпе.

– Врешь ты все, – промолвила опекушка.

Не очень уверено, надо сказать. Значит – моя взяла. Еще бы пару дней ее поводить за нос, и больше не надо. Не требуется.

– Клянусь! – воскликнул я.

– Ладно, увидим. Но учти, хитрый старикашка, если ты меня обманываешь...

– Тогда...?

– Я поутру вывешу твой труп на стене замка.

– О!

– Вот так-то. Трепещи.

После этого моя коляска покатила дальше. Только я-то знал, что минут через пять очаровательная сиделка вновь начнет задавать вопросы. А избежать их можно лишь занявшись работой.

Причем для этого не нужно, как в старые, добрые времена, наливать чернила в чернильницу и точить перья. Достаточно клавиатуры. Это плоский прямоугольный предмет толщиной с журнал и на нем в несколько рядов расположены кнопки с буквами. Он лежит у меня на коленях и в данный момент включен, о чем сообщает зелененький огонек в его правом, верхнем углу. Я нажимаю клавиши, буквы складываются в слова, и в памяти клавиатуры возникает текст. Если к нему подсоединить предмет под названием экран, являющийся чем-то вроде все время обновляемой грифельной доски, то текст этот станет возможно увидеть, а с помощью приспособления именуемого принт, его можно перенести на бумагу. Мне в них нужды нет. Я и так помню, что печатаю. Мою память время не тронуло. Может быть, это дар таинственной истории?

Да, чуть не забыл. Память клавиатуры не очень велика. Поэтому все, хранящееся на ней, через небольшие промежутки времени стирается, но перед этим переносится с помощью какой-то хитрой системы на большой накопитель информации. Для того чтобы его заполнить под завязку, мне

понадобится еще лет двести кропотливого труда. Их у меня, конечно, нет. Между прочим, накопитель этот находится в изголовье моего кресла и спрятан очень хорошо. О его существовании знает только Мэри. Представляю, как она удивится, обнаружив, что с сегодняшнего дня я писал не обычную белиберду, а отчет обо всем со мной происходившем.

Зачем? Затем, что мой труд практически закончен, а как попало щелкать по клавишам я не желаю. Написать фантастический рассказ? Не вижу смысла. Значит, остается только рассказывать историю. Не ту, последнюю, которую я закончил более ста лет назад, для того чтобы дальше заниматься лишь поисками путей создания идеального текста, а эту, не придуманную, пока не имеющую конца.

И еще одну вещь следует сказать, прежде чем я продолжу описание нашего путешествия. Вот сейчас я осознал ее, как мне кажется, более или менее четко. То, насколько я уже не принадлежу этому миру. Десятки лет, проведенных на собственном острове, в построенном по собственному проекту замке, в обществе всего нескольких слуг, сделали мою адаптацию к окружающему миру невозможной. В нем слишком многое изменилось.

А раз так, то следует ли пытаться узнать, как называется машина, усеянная разноцветными огоньками, как раз сейчас ползущая нам навстречу? Кажется, она моет пол? Может быть, более ничего знать о ней с меня не требуется? Причем, если принять это принцип, то прожить оставшееся мне вре-

мя в мире шуток, неизвестных машинок и... гм... разных приспособлений, совсем не трудно.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросила хранительница моего тела. – А то как-то подозрительно притих.

– Хорошо, – сообщил я. – Просто превосходно.

Забавно, она и в самом деле обо мне беспокоится. Или это всего лишь боязнь потерять возможность проникнуть в тайну? А может, это я стал параноиком? За более чем сто пятьдесят лет – немудрено.

– О чем думаешь?

Я ответил правду. Почему бы ради разнообразия ее не сказать?

– О том, что я живу в мире, в котором нет никого, с кем я мог хотя бы случайно столкнуться в молодости. Все мое поколение вымерло.

– О! Наверное, это тяжело осознавать? Или тебя радует, что ты такой везучий?

Нет у меня мгновенного ответа на такой казуистический вопрос. И значит, остается лишь пожать плечами.

Коридор космопорта, по которому меня везли, раздвоился словно язык змеи. Моей сиделке более понравилось правое ответвление.

Что ж, капитан у этого корабля, штурман и рулевой – она. Я лишь пассажир. Мое дело подчиняться. Ах да, мне еще надлежит шлепать по клавишам, стучать, словно зайчик по барабанчику, создавать видимость, будто я ищу уже найден-

ное.

И что это там за толпа впереди? Уж не адские ли создания, встречи с которыми я всю жизнь боялся? Выследили, значит? Ну, сейчас начнется...

А они уже бежали ко мне и оказавшийся первым, как я понимаю, самый расторопный и наглый, кричал:

– Мистер Эдгар По, мистер бессмертный затворник! Надеюсь, вы не откажетесь сообщить нашим читателям цель вашего полета?! Они сгорают от желания ее знать!

Тишина, покой и чистота. Меня только что помыли, и это стоило немалых трудов. Я же развлекал Мэри разговорами, что сиделку вполне устраивало. По крайней мере пытаться выведать мою роковую тайну она не прекращала. Знали бы распускающие обо мне слухи, насколько реальность фантастичнее бредней, порождаемых их чахлым воображением...

Меня беспокоит мысль, что времени осталось мало и, значит, Мэри следует хоть немного просветить. Возможно, она окажется следующей, отправившейся по моему пути. Причем, уверен, если ее сейчас спросить, то моя прекрасная собеседница не задумываясь ответит, что готова ради этого на любой подвиг. Она совершенно не представляет, каково жить в немощном, уродливом теле дополнительных сто лет. Стало быть, следует ее предупредить хотя бы во имя гуманности. И не только о неудобствах слишком долгой жизни. К примеру, мне еще неизвестно, чем все закончится. Я даже не знаю, какие слова скажу в тот, самый главный момент, что пожелаю. Не спорю, у меня было время подумать, найти лучший вариант. Чем я и занимался лет до ста. А потом – перестал, сообразив, насколько это несерьезно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.